

Школа Бывальского

Продолжаем публиковать цикл статей о школе Петра БЫВАЛЬСКОГО. За этим именем скрываются ведущий научный сотрудник Института теории образования и педагогики РАО, член-корреспондент РАО Михаил БОГУСЛАВСКИЙ, и директор НОУ «Центр Монтессори», кандидат педагогических наук Константин СУМНИТЕЛЬНЫЙ.

Воспитание без воспитания

Он подошёл ко мне и, приняв самую развязную позу, на какую был способен, объявил: «Ты у нас третий «классный» за год». Закончился наш короткий разговор его вопросом: «Ну что, в поход с нами пойдёшь?» Так я стал классным руководителем — лицом, официально ответственным за воспитание.

За моими плечами были полные неожиданных открытий и откровений о себе коммунарские сборы, а передо мной — тридцать мальчишек и девчонок с совершенно разными интересами. Сделать из них единый коллектив, как предписывала теория воспитания, можно было, только подчинив их общей идее. Тогда, в восьмидесятые, такой путь был возможен, а сегодня?

Нынче все, несмотря на вялотекущие споры о стандартах и двенадцатилетнем обучении, пришли к почти единодушному выводу, что с обучением у нас не так уж плохо, зато вот с воспитанием — беда. Заметили это, прямо скажем, поздно. Многочисленные предупреждающие «звоночки» мы долгое время списывали на тлетворное влияние Запада. Потом стало сложнее, потому что платформа идеологии начала уходить из-под ног нашего воспитательного процесса. Удивительно, но только сейчас мы наконец заметили, что на почве воспитания образовался пустырь. Как будто кто-то незримый дал отмашку стартовым флажком, и руководители образования разного уровня в одночасье заговорили, что необходимо всем миром навалиться на воспитательные проблемы и наконец-то сказать здесь своё веское слово.

Но какого же результата от воспитания можно сегодня ждать? Ведь вся закавыка в том, что привычного социального заказа, определяющего, кого и как воспитывать, нет и, по-видимому, не предвидится. Если воспитание понимать как своеобразную прививку образцов социально одобряемого поведения, то какого-либо очевидного стандарта в обществе пока не сложилось. Наша же власть все явственнее демонстрирует, что народ в целом и молодёжь в частности для неё лишь досадная помеха в осуществлении лишь ей понятных грандиозных планов. Это для нас непривычно, но, может быть, и правильно, когда государство живёт само по себе, а мы — рядовые обыватели — делаем, что хотим. Такое отношение к власти, на которое раньше бы наклеили неодобрительный ярлычок «пофигизм», сегодня, особенно в молодёжной среде, явление вполне нормальное. Наверное, наступившей вольностью, почти вседозволенностью до поры до времени можно даже упиваться. Действительно, поле возможностей неимоверно расширилось. Хочешь — учишься, а хочешь — не учишься, хочешь — работай, а хочешь — не работай, хочешь — служи в армии, а не хочешь — тоже можно устроить. Но появились и другие «возможности». Например, не найти денег на обучение избранной профессии или работу после окончания вуза. Или умереть от передозировки наркотиков. Или вообще в самом нежном возрасте остаться на улице и влиться в двухмиллионную стаю российских беспризорников.

В таких условиях о реальной государственной политике воспитания говорить не приходится. И если об этом фантоме кто-то и вспоминает, то, как правило, «обнадеживая» возрождением пионерской и комсомольской организаций, а теперь ещё и созданием «медвежьих» детских объединений. Можно, конечно, издать какую-нибудь бумагу, скажем, очередные «Примерные положения о воспитании школьников». Только **кто**, а самое главное, **как** будет

их выполнять? И ещё совершенно непонятно, **на что** должны ориентироваться подобные положения?

Как известно, многомесячное сидение на правительственных дачах «специалистов» по национальной идее к рождению таковой так и не привело. Впрочем, доморожденные идеологи национальной доктрины в чуть завуалированной форме наперебой предлагают нам вернуться к уже хорошо известной, но несколько отредактированной триаде: Державность, Вера, Патриотизм. Более того, некоторые лихорадочные действия власти уже оправдываются именно с этих позиций. Только существуют обоснованные сомнения, что эти ценности без интенсивного и планомерного их продавливания смогут овладеть массами. Тем более что у них есть серьезные конкуренты, к которым склоняется ещё не махнувшая рукой на всё часть общества. Это тоже триада: Здоровье, Работа (Образование), Семья. И хотя всё это уже не лежит в поле государственных интересов и, похоже, порою даже противоречит им, именно эти ценности могли бы быть положены в основу воспитательной деятельности.

Но пока на этом поле также царствует знакомая нам троица: лебедь, рак и щука. Ведь закрыв за собой дверь кабинета, как люк подводной лодки, педагог в условиях отсутствия реальных узаконенных ориентиров может воспитывать, кого считает нужным: националиста, расиста, коммуниста, пацифиста, и до этого никому дела нет. Более того, такая инициатива приветствуется, потому что дети заняты. Они не воруют, не принимают наркотики и не занимаются проституцией, а по нашим временам — это ощутимый результат.

К чему это приводит, я увидел на российском финале конкурса «Учитель года». Конкурсант преподавал историю в небольшом посёлке в Омской области. Замечу, что туда он специально переехал из областного центра. На конкурс учитель истории представил урок на тему «Опричнина Ивана Грозного». Я, как и другие члены жюри, был просто потрясён передёргиванием известных исторических фактов, даже прямой их фальсификацией ради доказательства единственного тезиса о том, что Иван Грозный был благороднейшим человеком и спасителем России. В интерпретации конкурсанта опричники превращались в этаких добрых самаритян, сообщество гуманистов. Без тени смущения и сомнения отрицались и массовые убийства ни в чём не повинных людей, и изуверские издевательства над боярскими семьями.

Удивила решительность этого неглупого человека, который специально давал именно такой урок, зная, что он вызовет возмущение и принесёт самые низкие оценки, что в итоге и получилось. Но больше всего поразило даже не это, а сам факт, что перед нами лучший учитель Омской области, человек, планомерно ведущий большую воспитательную работу в своём посёлке. И это означает, что ответственным лицам нравятся его изыски. Более того, начальство даже может с гордостью заявить о своей демократичности. Смотрите, мол, мы принимаем и такую позицию. И создаётся впечатление, что никто не замечает, каким холодом несёт от такого активного, целенаправленного воспитания. Или омский учитель неожиданно точно выразил тайные чаяния своих руководителей?

Во мне лично этот случай пробудил тревогу за то, что реально происходит на заброшенном полустанке под названием «воспитание». Похоже, что здесь каждый, как во время гражданской войны, может прийти и установить свою власть. Этому вряд ли стоит жёстко противостоять, но должны же быть какие-то границы.

Останется ли в качестве базового принципа светский характер нашей школы? Этот вопрос отнюдь не случаен. Ведь сегодня церковь предлагает решить проблему воспитания одним махом. Отдайте нам школу, говорят иерархи церкви, и мы путём «воцерковления» вернём вам добрых христиан, готовых руководствоваться десятью заповедями. Растерянным и напуганным людям это кажется приемлемым, и никто не задумывается, как в многоконфессиональной стране безболезненно насаждать православие.

Неудивительно, что в пылу педагогических споров и обсуждения судеб страны мы забываем о предмете дискуссий — о детях. А ведь уже миллионы мальчишек и девчонок школьного возраста оказались вне образовательной системы, вне детства, а иногда — и вне жизни. Нарастает волна детской преступности и беспризорности, но даже в «нормальных» условиях всё глубже становится отчуждение детей от семьи, учителей от учащихся, госу-

дарства и общества от школы. Единственным результатом такой политики может стать война всех против всех.

Тест на гуманность

Недавно я встретил свою коллегу, откликнувшуюся на призыв Министерства образования и ставшую школьным психологом. За время своей психологической практики она сменила несколько школ. Оказалось, что успешность её работы зависит от ожиданий администрации. Иногда к ней относятся, как к волшебной палочке, способной чудодейственным образом решить все проблемы, иногда — как к дополнительному контролёру.

С лёгким ужасом, скрытым за иронией, моя знакомая рассказала о том, как проверяли её работу в одном из детских садов. Она, как и положено при индивидуальном тестировании, начала с установления доверительного контакта с каждым ребёнком, а уж потом предлагала ему задания из тестов. Получились очень неплохие результаты, которые, видимо, и вызвали недоверие у окружного начальства. Прибывшая проверяющая вела себя подчёркнуто строго и высокомерно и по отношению к работникам детского сада, и, что самое главное, к детям. Постоянно заглядывая в методичку, она настойчиво требовала, чтобы дети отвечали на вопросы не по смыслу, а чуть ли не слово в слово по написанному. Малыши смущались, путались и, конечно же, их результат оказывался значительно хуже, чем при работе с психологом. Видимо, по мнению проверяющих, испытуемых и психолога «уличили»: первых — в неразвитости, второго — в завышении результатов тестирования. Самой пострадавшей стороной оказались дети, так и не понявшие, почему чужая тётя была с ними строга и так раздражалась, слушая их ответы на свои вопросы.

Моя же коллега получила наглядное подтверждение тому, что любой тест и даже система тестирования могут быть как помощником во вдумчивой работе, так и дубинкой, от удара которой ребёнок не скоро оправится. Несовершенство методик тестирования хорошо известно. Дело не только в субъективности исследователя, но и в отсутствии общепринятых критериев, ситуативности исследования и его ограниченности по времени.

Очень часто тестирование используется при профессиональном отборе для выявления необходимых знаний и навыков или когда выявляется качество, которое неприемлемо в профессиональной деятельности испытуемых. Так, один мой знакомый перебрался с тощих школьных хлебов на должность штатного психолога охранной фирмы. Главной его задачей было отбраковывать слишком умных претендентов на не требующую интеллекта работу. Похоже, в некоторых школах психологи выполняют подобную функцию. Как известно, несмотря на строгие запреты, тестирование при приёме в первый класс сохранилось.

В школе, куда поступал мой сын, честно предупредили о тестировании и заверили, что если ребёнок его не пройдёт, то это никак не характеризует ни уровень его развития, ни его умственные способности. Забыли только объяснить, что же в таком случае они пытаются определить с помощью трёхчасовой фронтальной проверки, в ходе которой дети получают четыре задания. Может быть, так отбраковывают самых умных, нестандартно мыслящих, неудобных для нашего унифицированного, направленного на единовременный и единообразный результат обучения?

К слову сказать, серьёзные исследователи действительно предлагают использовать тестирование для определения готовности детей к школе, но только как дополнительный, а не главный и тем более не единственный инструмент. Предпочтение всё же отдаётся собеседованию, которое должно проходить после установления доверительного контакта с детьми. Но беседа с каждым ребёнком — дело долгое и сложное, проще решить всё за три часа, разом посадив сотню-другую детишек за непривычные для них парты. Это только один пример того, как стремящаяся к унификации школа может перемолоть в своих жерновах самые лучшие, самые гуманные инициативы, к которым, несомненно, относится и появление школьных психологов.

Кстати, именно в образовании у понятия тест появилось новое, по крайней мере, не

предусмотренное «Словарём иностранных слов», значение. Этим словом начали обозначать не только стандартные задания для определения «психофизиологических качеств человека», но и любые задания, направленные на контроль конкретных знаний. Вот, например, шедевр, достойный первых туров телеигры «О, счастливчик» из проверочной работы по «Естествознанию» для четвёртого класса: **Вопрос:** К какой группе животных относится пчела? **Ответы:** а) звери; б) птицы; в) насекомые; г) рыбы. Такие «тесты» требуют от испытуемых скорее не знаний и тем более не понимания, а сообразительности и умения по малейшим признакам угадывать правильный ответ. Конечно же, в этом случае правильность ответов легче проверить, а сама форма проведения проверки способствует унификации знаний и усреднению критериев оценки.

Сторонники тестирования рассматривают всё это как основные достоинства методики. Но отражает ли она хоть как-то процесс развития личности? Или кто-то «там, наверху» окончательно определил школу как пункт по раздаче необходимого и достаточного для положительной аттестации набора знаний и умений с навыками? Если это так, то учителю в такой системе остаётся лишь передавать этот набор и аккуратно отмечать в тетрадке: «Петров свою порцию получил сполна, а Иванову недодали куска физики и не долили ста грамм литературы».

Не знаю, есть ли какие-нибудь сведения о соответствии результатов тестирования развитию личности ребёнка, но даже в области передачи знаний вопросы остаются. Так, некоторые представители высшей школы крамольно заявляют, что их пятилетние исследования показали, что «слабые» (видимо, наименее замеченные в желании глубоко постигать учёную премудрость) студенты показывают при тестировании лучший результат, чем «сильные» (готовые глубоко и основательно вгрызаться в гранит науки). Если это так, то, похоже, что тестирование ведёт не только к унификации, но и к формализации процесса обучения. Это вряд ли может испугать студентов, преодолевающих коварные ловушки, расставляемые им на зачётах и экзаменах, но в случае со школьниками распространение тестовой формы проверки — своеобразный тест для их учителей на гуманность.

Конечно, можно долго работать над совершенствованием тестового материала, ругая предшественников за его недобросовестность, но кто даст гарантию, что очередной его вариант учтёт все слабые места предыдущего? Самое же главное — когда это произойдёт и не успеют ли за это время сломаться десятки и сотни судеб талантливых ребят, чьё виденье мира не укладывается в унифицированный стандарт проверочных работ? Это не риторический вопрос. Хочется, чтобы не только у ребёнка сохранилась возможность проявлять свои личные человеческие качества, но и педагог мог бы сполна использовать свою высшую мудрость — умение вести ребёнка от одной радости познания к другой.

Пётр БЫВАЛЬСКИЙ, педагог